

ПУШКИН И «ЗОЛОТОЙ ХОЛМ»

«Золотой холм» — так на русский манер Пушкин называет в письме брату Льву из Кишинева от 24 сентября 1820 года Золотой курган: «За несколько верст остановились мы на *Золотом холме*. Ряды камней, ров, почти сравнившийся в землею — вот все, что осталось от города *Пантикапеи*» (XIII, 18)**.

Как видно на «Карте Босфора Киммерийского», составленной П. А. Дюбрюксом и И. П. Бларамбергом (1, таблица 1) дорога из Керчи в Феодосию сразу за Керчью разветвляется. Одна дорога шла мимо тогда еще не раскопанного, а потому и не прославленного кургана Кулоба (так на карте). Почтовая же дорога, ответвляясь южнее, проходила как раз мимо Золотого кургана, который располагался в 4 верстах от города по гребню того же хребта, на котором, как это видно по карте, лежат восточнее гора Митридат и западнее — Куль-оба. Следовательно, Раевских и Пушкина специально, выбрав один из двух возможных вариантов пути, привезли к Золотому кургану для его осмотра.

Из контекста цитированного выше письма видно, что Пушкин с горой Митридат связывает местоположение «развалин Митридатова гроба» (в «Отрывке из письма к Д.» — «Митридатова Гробница»), а с Золотым курганом — остатки города *Пантикапеи****. На этом основании можно заключить, что Пушкин, не называя Золотого кургана, пишет о нем еще раз — в «Отрывке из письма к Д.»: «Развалины *Пантикапеи* не сильнее подействовали на мое воображение. Я видел следы улиц, полузаросший ров, старые кирпичи — и только» (XIII, 251; IV, 175). Действительно, в обоих случаях упоминается «ров» («почти сравнившийся с землею» — «полузаросший»), какие-то руины («ряды камней» — «старые кирпичи») и *Пантикапея* («все, что осталось от города *Пантикапеи*» — «развалины *Пантикапеи*»). Единственное отличие «Отрывка» от письма — упоминание каких-то «следов улиц».

*Здесь и далее в цитатах курсив Пушкина — В. К., Э. Я.

**Здесь и далее все ссылки на сочинения Пушкина с указанием римской цифрой тома, арабской — страницы даются по изданию: Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16-ти тт. — АН СССР, 1937—1949.

***Современная транскрипция — *Пантикапей*, но в работе о Пушкине мы будем пользоваться словоупотреблением поэта — В. К., Э. Я.

Золотой курган — традиционный экскурсионный объект, привлекавший всех путешественников по Тавриде. Это погребальное сооружение, первоначальная высота которого достигала 21 м. Насыпь кургана, окружностью 240 м, была обнесена мощной крепидой — каменным кольцом из полигональных огромных блоков известняка. Такие сооружения характерны не для античных, а для первобытных мегалитических сооружений. Высота этой циклопической кладки даже сейчас достигает 4,5 м. П. А. Дюбрюкс же успел замерить еще не разобранные местными жителями стены высотой до 11,5 м (3, с. 33—34).

В 1832 г. курган был раскопан археологом В. Д. Карейшей, который обнаружил под насыпью ограбленные еще в древности каменные склепы. Северо-западный склеп был уникален по своей архитектуре и мастерству сооружения. Он состоял из купольной гробницы высотой 9 м, к которой вел дромос длиной около 5 м с уступчатым перекрытием. Все сооружение сложено из отлично отесанных блоков, положенных насухо. Возможно, что некогда, при ограблении кургана, здесь были найдены большие сокровища (богатство архитектурного декора дает основания для такого предположения), что и побудило местное население старой Керчи называть его Алтын оба (тат.) — Золотой курган. Но Пушкин побывал на Золотом кургане за 12 лет до того, как он был раскопан. И в те времена, по свидетельству П. А. Дюбрюкса, более распространенной была другая версия происхождения названия кургана: «...когда древние Ханы, властелины Крыма, приходили сюда собирать пошлинные и поземельные подати с владельцев и мурз, то палатки свои разбивали на вершине этого холма и в них короткое время стекались драгоценности» (2, с. 30).

В специальной литературе встречается мнение, что основное погребение в этом кургане, а особенно его мощная крепиды, были возведены еще до начала греческой колонизации Крыма древнейшим из известных нам по имени народов нашей страны — киммерийцами (3, с. 33). Однако новые наблюдения позволяют с достаточной вероятностью утверждать непосредственную связь Золотого кургана с некрополем греческой *Пантикапеи* и видеть в нем некоторую аналогию другому всемирно известному археологическому памятнику Керчи — Царскому кургану.

А. А. Формозов отмечает очевидное противоречие в отношении Пушкина к Золотому кургану: «Можно вспомнить восторженные отзывы

Ги де Мопассана о менгирах Бретани и Генри Джеймса — о знаменитом Стоунхедже в Англии. Действительно, в грубых мегалитических постройках есть своя поэзия. Глядя на них, представляешь себе толпы первобытных людей, голыми руками или с самыми примитивными приспособлениями ворочающих гигантские куски скал, думаешь о тысячах годах, прошедших после этого и не сокрушивших древние гробницы. Но Пушкина Золотой холм оставил равнодушным» (3, с. 34).

Почему? Думается, что причин было несколько. Одна из них — недостаток времени, так как курган осматривался проездом из Керчи в Феодосию, до которой была долгая и утомительная дорога. Но, видимо, еще одной причиной могла быть низкая археологическая квалификация «экскурсовода», знакомившего с объектом. Уровень этой квалификации нашел отражение в отчетливом неразличении, с более того — отождествлении Пушкиным города Пантикапеи и его некрополя. Но при таком подходе ничего, кроме разочарования после осмотра Золотого кургана остаться не могло, так как остатки города Пантикапеи увидеть там действительно было нельзя. Пушкину предлагали осматривать не то, что он видел перед собой. Вместо осознания того, что главный смысл Золотого кургана — защищать от посторонних глаз скрытое в его глубинах, внимание путешественников акцентировали на руинах, которые во множестве покрывали поверхность. Так, «ряды камней» и «ров», о которых дважды упоминает Пушкин, были крещидой и рвом — обязательной конструктивной деталью крупных курганов IV в. до н. э. в Скифии и на Боспоре, куда обычно помещали остатки тризны — амфоры с вином, кости жертвенных животных и проч. Что же касается упоминаемых в «Отрывке

из письма к Д.» «следах улиц», то за них вполне можно было принять развалины тех стен и башен, которые описывал и указывал на своей схеме П. А. Дюбрюк (см. указ. соч.). Приведем в заключение легенду о Золотом кургане, весьма распространенную в пушкинские времена, в пересказе сына археолога — Александра Дюбрюка: «Рассказывают, что Греческую церковь строили два брата Федор и Иоанн, у них была сестра красоты необыкновенной, обязанность ее состояла в доставлении братьям ежедневной пищи. Однажды братья, прождав ее до позднего вечера, решились узнать о причине ее отсутствия, и пошли домой; едва поравнялись с курганом, как луна осветила пред ними 2 человеческие фигуры; в одной из них братья узнали сестру; оба брата как бы по какому-то внушению в одно время изрекли ей проклятие, по которому она должна скитаться в этом древнем здании; и только в день Пасхи может она выходить за стену, где ждет радостного приветствия: «Христос Воскрес!»; едва услышит она слова эти, как проклятие окончится, а вместе с тем и драгоценности Золотого кургана сделаются доступными тому только, кто первый произнесет ей радостные слова» (2, с. 32—32).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. ЗООИД. — 1860. — Т. 4.
2. Д ю б р ю к П. А. Описание развалин и следов древних городов и укреплений, некогда существовавших на европейском берегу Босфора Киммерийского, от входа в пролив близ Еникальского маяка до горы Опук включительно, при Черном море. — ЗООИД. — 1860. Т. 4.
3. Ф о р м о з о в А. А. Пушкин и древности: Наблюдения археолога. — М.: Наука, 1979.